

Глава 3. Немного живого звука для потрясения

«Какая самоуверенность», — подумал Чжоу Хэбинь, с любопытством скрестив ноги. В его душе азарт первооткрывателя мешался с легкой тревогой. Он всерьез опасался, что юноша не сдюжит и выставит себя на посмешище, разом перечеркнув всё обаяние своей внешности. Впрочем, даже такой провал стал бы отличной «фишкой» выпуска. Организаторы в любом случае оставались в выигрыше.

Пока в голове судьи проносились эти мысли, он продолжал профессионально вести шоу.

— Ты готов?

Шу Мин застенчиво улыбнулся, на миг блеснув острым клыком, и, не проронив ни слова, решительно отцепил петличку от ворота. Следом он передал ручной микрофон подошедшему сотруднику сцены.

В закулисы, где до этого царил напряженное ожидание, поднялся гул изумления. Это казалось немыслимым: новичок без какой-либо подготовки не просто выбрал акапеллу, он добровольно отказался от усиления звука. Кем он себя возомнил? Оперным маэстро? Неужели он всерьез рассчитывал на одну лишь акустику павильона? Даже Чжоу Хэбинь невольно сменил расслабленную позу на более собранную.

Среди остальных участников тоже началось движение.

— Дешевое фиглярство, — процедил сквозь зубы один из парней, не скрывая презрения.

Кто-то сочувственно вздохнул, заранее сгорая от стыда за чужой позор. Но большинство лишь недоумевало.

— Как он собрался петь без микрофона? — чей-то шепот в толпе озвучил общую мысль.

Интрига нарастала: ни названия песни, ни музыки, ни микрофона — на что он вообще надеялся?

Шу Мин тем временем привел себя в порядок и торжественно кивнул в сторону судейского стола. Сделал он это так серьезно, словно стоял не под прицелом камер, а перед возлюбленной, которой собирался открыть сердце. В этот миг он перестал быть участником шоу, превратившись в простого и искреннего юношу, решившего выразить свои чувства через песню.

Свет в павильоне погас с небольшим опозданием. В наступившей темноте Шу Мин привычным жестом коснулся ладоней, ощущая под пальцами старые, загрубевшие мозоли. Он медленно закрыл глаза, успокаивая сердце.

В памяти, точно живые, всплыли родные края: бескрайние пшеничные поля и тот самый склон за домом, где они с братом когда-то любовались закатом. Перед ними тянулась гряда гор, окутанных сумеречной дымкой. В угасающем свете их вершины казались темнее самого неба, словно тени, отброшенные вечерней зарей на полотно мироздания. Вспомнилось, как они, набегавшись до изнеможения, падали в мягкую траву и принимались кричать в сторону долины. Это продолжалось до тех пор, пока из-за облаков не выглядывал робкий серп луны. А потом старший брат нес его домой на спине по залитой лунным светом тропинке.

С самого детства Шу Мин знал: чтобы горы тебя услышали, нельзя просто кричать — нужно уметь направлять голос. Только вложив в него душу, искренность и особую сноровку, можно дожждаться ответа от великанов.

— Луна взошла...

Чистый, пронзительный голос юноши зазвучал в тишине подобно первому весеннему грому, заставив сердца слушателей екнуть. И зал словно ответил своему ушедшему сыну. Каждая стена, каждый предмет, каждый потаенный уголок огромного пространства подхватили этот звук, превращаясь в живое эхо. Казалось, Шу Мин и впрямь стоит сейчас в родной долине, ведя диалог с самой природой.

Это была горная песня! Никто не ожидал такого поворота. Глядя на простую одежду Шу Мина, многие прочили ему образ «школьного кумира» — того самого парня, в которого тайно влюблена половина класса. Он и вправду обладал тем редким обаянием, когда при взгляде на улыбающегося человека ты невольно начинаешь улыбаться в ответ. Он был воплощением юности: тот самый мальчишка в белой рубашке на велосипеде, за которым подглядывают из окон кабинетов. К тому же Шу Мину действительно было восемнадцать — самый расцвет. Эта недостижимая свежесть заставляла старших участников шоу буквально скрежетать зубами от зависти. Но никто не мог предположить, что он выкинет такой трюк!

Шу Мин зашел с козырей, обрушив на зрителей мощь своего природного таланта. В закулисье кто-то в шоке вскочил с места, осознав причину отказа от микрофона. Даже без усиления звук был такой силы, что барабанные перепонки вибрировали. Окажись микрофон рядом — аппаратура просто не выдержала бы натиска.

Но важнее было другое: Шу Мин не стал занижать тональность, как это делают современные исполнители. Он пел в исконной, самой суровой манере. Было слышно, что у него нет профессиональной постановки голоса — он брал высокие ноты на чистом дыхании, буквально выталкивая их из глубины души. Чжоу Хэбинь был потрясен: в этом парне было столько жизни, столько неподдельной силы!

Конкуренты втайне молились, чтобы голос сорвался, иначе их шансы таяли на глазах. Но Шу Мин своим пением наглядно демонстрировал: техники нет, есть только первозданная мощь. Ему и в голову не приходило, что такая высота может быть кому-то недоступна. В его семье, от старшего брата до тетушки, все были мастерами горного пения. Тетушка Чжуан Янь могла брать ноты куда выше, так что Шу Мин даже слегка упростил мелодию. К тому же он пел на общепринятом китайском; версия на языке нин, которая была ему куда привычнее, звучала бы

еще выразительнее.

— Думаю я о брате моем, что в горах далеких...

Шу Мин словно задавал вопрос, который мучил его долгие годы: «Брат, почему ты так долго не возвращаешься домой?»

— Брат мой, точно месяц в небе, по небу идет...

Никаких модных аранжировок. Песня звучала именно так, как она веками разносилась над ущельями. Шу Мин перенес частичку своих гор на эту искусственную сцену. Без музыки, без микрофона, на одном лишь таланте. Это было дерзко — выйти и разом «перевернуть стол», нарушая все правила игры. Пусть его голос местами звучал резко, а переходы были лишены лоска, искренность эмоций невозможно было подделать.

Пропев последнюю строку, Шу Мин опустил длинные ресницы. Одинокая слеза — непроизвольно, почти незаметно — скатилась по его щеке. В свете софитов она на миг блеснула драгоценным камнем и беззвучно сорвалась вниз. Казалось, этот едва слышный всплеск отозвался ударом в сердце каждого присутствующего. Против такого проявления чувств не устоял бы даже самый закоренелый циник. Природный дар, зрелищность и глубокая тоска сплелись воедино.

А виновник этой бури даже не подозревал о произведенном эффекте, искренне полагая, что просто спел обычную песню. Такая обезоруживающая естественность была лучшим крючком для аудитории.

«Пропали, — пронеслось в толпе, — этот парень станет сенсацией».

Это было первое, что пришло всем в голову. Следом зал взорвался аплодисментами. Чжоу Хэбинь первым поставил высший балл — «А». Остальные наставники поддержали его, выставя оценки от «А-» до «А+». Шу Мин заслужил это по праву.

Однако, когда все уже были уверены в триумфе новичка, в процесс внезапно вмешался наставник по танцам — популярный актер Хэ Цзыци. Подвинув к себе микрофон, он пристально посмотрел на юношу.

— Послушай, Шу Мин. Мы все понимаем, что для участия в группе нужно быть развитым всесторонне. Ты показал нам свой голос, и он впечатляет. Но как обстоят дела с хореографией? Каков твой танцевальный уровень?

На сцене воцарилось короткое молчание. Шу Мин, всё так же искренне и прямо глядя на судей, снова взял микрофон.

— Простите, учитель, — ответил он со всей возможной честностью, — танцевать я совершенно не умею.

Он поднял глаза, и их слегка опущенные уголки придали его лицу невинно-виноватое выражение. Почесав затылок, точно робкий щенок, ожидающий команды, он добавил:

— Но я умею обращаться с большой саблей. Или... я могу сделать сальто. Можно мне сделать пару сальто назад?

<http://bllate.org/book/16119/1580771>